

Глава 3. Расставание. Свобода.

По дороге домой меня снова охватили сомнения. Что, если моё чувство, что Уилл где-то жив, было ничем иным, как надеждой увидеть его снова? Это был просто... мираж? Что-то не сходилось... какая-то деталь, какой бы незначительной она ни была, ускользнула от меня пять лет назад. Но что? Что? Сходство этого писателя с моим братом было поразительным. Они были удивительно похожи, как две капли воды, это могло быть простым совпадением, но... так же было и то, что я случайно попала именно туда, чтобы увидеть этот портрет. Имело ли это смысл? Надежда на то, что мой брат был жив где-то шла на убыль, так как мои мысли беспрестанно крутились вокруг этого вопроса. Я волновалась. Я задыхалась.

Уже на пороге своего дома я засомневалась, входить или нет. После нескольких часов блужданий по Нью-Йорку меньше всего мне хотелось спать под открытым небом... но я также не хотел видеть Томаса. Я поприветствовала швейцара вежливым жестом и поднялась на лифте на одиннадцатый этаж. Инстинктивно я дотронулась до своего живота. Пустой. Без жизни. Без души.

Это странное событие с портретом заставило меня больше не вспоминать о грустном, о том, что я потеряла четвертого ребенка на третьей с половиной неделе беременности.

Перед входной дверью я сделала глубокий вдох. Я была готова увидеть вкусный и романтический ужин на столе и более очаровательного Томаса, чем обычно. Но, когда я открыла дверь, сцена, которую я себе представляла, была совершенно иной. В гостиной было темно, она была едва освещена маленькой лампой, стоявшей на тумбочке рядом с диваном.

Томас сидел, заложив руки за голову, и, казалось, хорошо проводил время в таком положении. Он вспотел и выглядел расстроенным. Перед ним стоял чемодан. Чемодан в таких обстоятельствах — всегда плохое предзнаменование.

—В чем дело? —спросила я, набираясь смелости и подходя к нему, к тому, кто был мужчиной моей жизни в течение пяти лет.

—Я больше не могу, Лиа, —признался он, поднимаясь с дивана и пристально глядя мне в глаза. Лунный свет, проникавший в окно, освещал его начинающуюся лысину. Он похудел, и на его разочарованном лице я заметила явные признаки сложившейся ситуации. И это было должно положить конец нашим отношениям.

—Потому что я не могу родить тебе ребенка? —спросила я, стараясь не показать ни злости, ни обиды. Я всегда стараюсь держать голову высоко поднятой.

—Дело не в этом. С тех пор как твой брат исчез, ты изменилась... внезапно. И я клянусь тебе, что отдал бы все ради этих отношений, потому что люблю тебя. И я не представляю своей жизни без тебя, но... мне плохо, Лиа. Мне плохо, и ты этого не заметила.

При этих словах я снова вспомнила Уилла. Это было то, чего я не могла избежать, все это время я помнила его. Возможно, ему тоже было плохо, а я этого не осознавала. Возможно, он исчез из-за меня. Может быть... может быть...

— Лиа, это уже не исправить. Я уйду. Нам лучше на некоторое время дистанцироваться,
— продолжал он с горечью.

— Когда мне больше всего понадобилась поддержка, ты уходишь, — упрекнула я его, сдерживая слезы и прикасаюсь к своему пустому животу.

— Не говори так, пожалуйста.

— И что ты хочешь, чтобы я сказала? — спросил я, повышая голос.

— Я сыт по горло! — закричал он тогда, вне себя, — Надоел Уильям, надоела ты! Надоело, что ты всегда на все жалуешься!

— Ты знаешь, что значит потерять брата, не зная толком, что с ним случилось?

— Я скажу тебе, что я на самом деле думаю. Знаешь, что я думаю? Что у вас с братом были плохие отношения. Это то, что...

Я дала ему звонкую пощечину, которая не позволила ему продолжать богохульствовать над тем, что для меня было самым священным в мире. Я ударила его так сильно, как только смогла. Я, действительно, хотела причинить ему боль. Физический и эмоциональный ущерб, потому что он знал все, через что мы с братом прошли. Ему было известно о пренебрежении, которому нас подвергали наши родители с самого раннего детства. И я признаю, что Томас был моей большой поддержкой, когда Уилл исчез, но в тот момент он показался мне самым отталкивающим существом на свете.

Он посмотрел на меня в ярости, взял свой чемодан, вышел за дверь и, хлопнув дверью, исчез из моей квартиры и из моей жизни. Я легла на диван в позе эмбриона и через полчаса, плача, крепко заснула, надеясь найти в своих снах немного покоя, в котором я нуждалась в те тяжелые времена.

На следующий день рассвет в Нью-Йорке выдался жарким и солнечным. Я вошла в свою гардеробную и вместо того, чтобы надеть какой-нибудь из своих многочисленных костюмов и туфель на каблуках, остановилась на удобном прохладном белом хлопковом платье на бретельках и летних бежевых шлепанцах.

Первое, что я сделала, это отправилась в Новую галерею, чтобы посмотреть, продолжается ли замечательная выставка, которая меня так волновала и очаровывала одновременно.

У меня было желание снова увидеть СКОРПИОНА... снова увидеть яркий образ моего брата. Но, как я и ожидала, там снова были выставлены произведения немецкого дизайнера, украшения и живописные произведения искусства. Может быть, это был сон?

Выйдя на улицу, не в силах не чувствовать разочарования, я решила поддаться своему инстинкту и вернуться, по крайней мере, к небольшой части того, кем я была много лет назад.

Та сумасшедшая девочка-подросток, которая была счастлива и жила изо дня в день, как будто миру пришел конец. Я не забыла, конечно, ту маленькую девочку, которой я когда-то была, с бесконечными вопросами, адресованными терпеливому брату; единственное, чего я тогда

хотела, это делать все, что мне заблагорассудится, в любое время. Свобода. Страсть. И это была страсть, которую больше не испытывала к своей работе юриста. Реальная жизнь была совсем не похожа на ныне несуществующий сериал Элли Макбил...

Я поймала такси и через десять минут приехала в фирму. Я поприветствовала тех, кто скоро перестанет быть моими коллегами, всеми силами стараясь избежать встречи с Томасом в коридорах.

Я дважды постучала в дверь кабинета Джона, директора фирмы.

Невысокий, круглолицый парень, которому, должно быть, было не больше сорока, и который преуспел в жизни, основанной на очень тяжелой работе. Я вошла в его кабинет, пытаюсь, несмотря ни на что, улыбнуться, готовая сообщить ему о своем окончательном решении.

— Джон, мой отпуск будет бессрочным, — решительно сообщила я ему, с грустью глядя на фотографию, лежащую на столе в его кабинете. На ней был изображен беззаботный Джон рядом с такой же пухлой светловолосой женщиной, как и он, и тремя очаровательными улыбающимися мальчиками в возрасте от четырех до семи лет, которым срочно нужно было побороть свою зависимость от Макдональдса.

— Каким образом? — недоверчиво спросил он. Я никогда не обращала внимания на желтый цвет вокруг его расширенных зрачков.

— Я уйду, Джон. Конец. Я хочу начать жить.

— Но ты лучший юрист в фирме, Лиа. Я слишком многого от тебя требовал? Я не слишком много тебе дал? Скажи мне честно, прошу тебя.

— Дело не в этом, Джон... — пробормотала я.

— Твое будущее здесь многообещающее, и ты знаешь, насколько мы растем. Мы собираемся делать великие дела... — Он хотел убедить меня. Но пути назад не было, мое решение было твердым. Редко когда я была так в чем-то уверена, и это чувство мне нравилось.

— Мне нужен отдых, — серьезно настаивала я.

— Как хочешь..., но, если через месяц, два месяца, год, десять лет ... ты устанешь от этого отдыха ... , то снова вернешься ко мне. Ты сделаешь это? Он улыбнулся. Я кивнула и попрощалась профессиональным рукопожатием. Я направилась в административную секцию, в которой уже по приказу Джона оформляли документы о моем добровольном увольнении.

С такими большими деньгами, которые я собиралась обналичить в банке позже, и огромным наследством, оставшимся от моей матери, у меня не было финансовых проблем в моей жизни. Я могла позволить себе роскошь отдохнуть... перевести дух ... снова найти себя. СВОБОДА... Желанная свобода. Я могла сделать так много всего!

Я не встречалась с Томасом. И я знала, что, скорее всего, больше никогда его не увижу. Он не был типичным романтическим мужчиной, который после ссоры становится перед тобой на колени и просит тебя выйти за него замуж. Он был гордым парнем, и я предположила, что решение бросить меня он обдумывал холодно в течение долгого времени.

Исчезновение Уилла произошло пять лет назад. Четыре выкидыша. Отказ от того, кого я считала любовью всей своей жизни. Жизнь может измениться за считанные секунды, и именно наши решения и решения других по отношению к нам будут определять судьбу нашего дальнейшего, ещё неопределенного пути.

<http://tl.rulate.ru/book/77502/2336020>